

М.А. Гулева

ИМОП, СПбГПУ

Конституционная реформа в позднереспубликанском Китае (1945–1949 гг.)

Центральным событием внутривнутриполитической жизни Китая под руководством Гоминьдана в период с 1945 по 1949 гг. стало принятие Конституции, что впоследствии оказалось многими забыто. Такое «упущение» объясняется как недолговечностью действия принятого закона в материковом Китае, так и мотивами пропаганды и соображениями идеологического толка. Между тем, именно Конституция 1947 г. является основой устройства непризнанной республики на Тайване, а также служит первым практическим воплощением суньятсеновских принципов. Путь к её принятию проходил через многочисленные препятствия и обернулся немалыми трудностями для правительства, партии и их сторонников.

Корни событий 1945–1949 гг. уходят в нанкинское десятилетие (1927–1937 гг.). Уже тогда Национальное правительство, возглавляемое Гоминьданом (ГМД), предприняло ряд попыток осуществить трёхэтапный план Сунь Ятсена, целью которого был переход к конституционному правлению. В октябре 1928 г., сформировав Нанкинское правительство, Постоянный комитет ЦИК ГМД принял «Руководящие принципы периода политической опеки партии Гоминьдан Китая», в которых перед партией ставилась задача постепенно воспитывать в народе умение пользоваться гражданскими правами [10, т. 2, с. 173]. 5 мая 1931 г. в Нанкине была созвана Национальная конференция, в состав которой вошли 495 человек [10, т. 2, с. 176–177]. Этот орган принял разработанную Гоминьданом Временную Конституцию Китайской Республики периода политической опеки. Однако 18 сентября 1931 г. произошел Мукденский инцидент, открывший

© Гулева М.А., 2013

период японской агрессии в Китае. Волна разнонаправленных общественных движений охватила страну и положила начало расколу по японскому вопросу в Гоминьдане.

Трудная обстановка не остановила конституционных процессов; 3 пленум ЦИК ГМД 4 созыва в декабре 1932 г. постановил созвать Национальное собрание – главный орган по разработке Конституции – в 10-летнюю годовщину смерти Сунь Ятсена, в марте 1935 г. [4, т. 2, с. 180–181] (впоследствии созыв собрания отложили).

На том же 3 пленуме была выдвинута резолюция о созыве Национальной политической конференции (НПК) в течение 1933 г. и передаче ей широких консультативных полномочий [4, т. 2, с. 181]. Весной 1933 г. эта идея получила развитие на Центральной политической конференции, где НПК приобрела черты связующего звена между обществом и правящей партией. Хотя организационные вопросы были оговорены, решения по составу и способам избрания членов НПК приняты – несмотря на это, созыв органа был отложен по причине усложнения обстановки (НПК была созвана лишь в 1938 г. и проработала 10 лет, до роспуска в 1948 г.).

Позже, 4 декабря 1935 г., 1 пленум ЦИК ГМД 5 созыва принял важнейшие с точки зрения конституционных реформ решения, постановив:

- обнародовать проект Конституции 5 мая 1936 г.;
- созвать Национальное собрание 12 ноября 1936 г., завершить выборы в Национальное собрание к 10 октября 1936 г.;
- учредить Комитет по рассмотрению Конституции, которому вменялось в обязанности в течение двух месяцев составить проект и передать его на дальнейшее рассмотрение Постоянному комитету ЦИК ГМД и Законодательному юаню [4, т. 2, с. 384–385].

Проект и в самом деле был своевременно опубликован и с этого момента назывался «проектом Конституции 5 мая»; 14 мая 1936 г. Национальное правительство обнародовало Органический закон Национального собрания и закон о проведении выборов в Национальное собрание; но поскольку выборы не удалось провести в срок (в ряде городов и провинций не хватило времени на подготовку, регистрацию кандидатов и подсчет голосов), 15 октября Постоянный комитет ЦИК ГМД вынес решение отложить созыв Национального собрания [10, т. 2, с. 183]. Между тем, откладываемое Национальное собрание стало для китайского населения своего рода символом конституционализма.

Прошедший в феврале 1937 года третий пленум ЦИК ГМД 5 созыва постановил созвать Национальное собрание 12 ноября 1937 г.

[4, т. 2, с. 447]. На этот раз объективным препятствием на пути политической реформы стали инцидент у моста Лугоуцяо 7 июля 1937 г. и начало антияпонской войны, хотя позднее китайские исследователи и склонны были обвинять ГМД и лично Чан Кайши в нарочном оттягивании конституционного периода (см., напр., [13]).

В условиях антияпонского Сопротивления конституционное движение затихло, внимание власти и населения перешло на более острые вопросы. Однако по мере того, как прояснялась картина Второй мировой войны, стали напоминать о себе и проблемы внутривнутриполитического характера. На всём протяжении войны Чан Кайши не забывал о необходимости следовать заветам Сунь Ятсена, как не забывал он и об угрозе со стороны КПК. Хотя отсрочки начала конституционного правления и созыва Национального собрания в 1930-е гг. и были в какой-то степени связаны с личным недоверием к конституционализму самого Чан Кайши, в публичных выступлениях военного периода Чан высказывал надежду на скорейшее осуществление конституционных планов Сунь Ятсена. Например, в сентябре 1939 г. на 4 заседании Национальной политической конференции первого состава в речи «Необходимо с пониманием относиться к осуществлению конституционного правления» он заявил, что «не переставал думать о том, как возможно ранее осуществить конституционное правление, как дать народу всей страны нести общую ответственность за страну» [5, т. 16, с. 379]. Аналогичные заявления делались и на более поздних встречах НПК и пленумах Гомиьндана [5, т. 17, с. 224, 238; 5, т. 20, с. 273–274]. Нельзя не отметить, что заявления такого рода подчас расходились с реальными мероприятиями правительства, которое вело активную борьбу против Компартии и подавляло общественные выступления – примером тому может служить принятие в апреле 1940 г. Национальным правительством «Временных мер по организации открытой дискуссии по вопросу принятия Конституции», которые ограничивали конституционное движение [11, с. 1016–1017].

Вопреки этому, к 1943 г. конституционное движение поднялось вновь. Внутри самого Гомиьндана возрождались противоречивые мнения, высказываемые такими фигурами, как Сунь Фо, Шао Лицзы, Чжан Чжичжун, Ван Шицзе, Чжан Цюнь и др. Стремление найти компромисс проявилось в итогах 11 пленума ЦИК ГМД 5 созыва, прошедшего в сентябре 1943 г. Была принята «Резолюция по общему докладу о реализации конституционного правления» [4, т. 2, с. 843–844], постановлено через год после окончания антияпонской войны созвать Национальное собрание, разработать и обнародовать Конституцию, перейти к конституционному правлению. В 1944 г. Чан

Кайши выдвинул предложение дополнительно ускорить переход к конституционализму: провести в 1945 г. VI Всекитайский съезд партии Гоминьдан Китая и, при благоприятной военной обстановке, принять решение о досрочном введении Конституции [5, т. 20, с. 507]. Эта же идея была повторена председателем в новогодней речи 1 января 1945 г. [12, 1945 г., 1 января].

Убежденность и постоянство выступлений Чан Кайши по вопросам конституционного правления, принятие проекта Конституции 5 мая 1936 г., наконец, подготовка к созыву Национального собрания уже в 1944 г. свидетельствовали о практическом намерении Чана выполнить программу Сунь Ятсена и привести Китай к обществу трёх народных принципов. Это, однако, не означало, как того хотела Компартия и некоторые нейтральные силы, мгновенной отмены однопартийного правления и введения коалиционного правительства. Гоминьдан, как и любая политическая партия, стремился путём реформ не лишиться власти, а сохранить её за собой. Поэтому вопрос конституционного перехода активно обсуждался на VI съезде партии, прошедшем 5–21 мая 1945 г. в г. Чунцин. Решением съезда созыв Национального собрания назначили на 12 ноября 1945 г. Проект 5 мая сохранил статус основного и был опубликован в *Чжунъян жибао* [12, 1944 г., 30 января], что служило своего рода публичным обязательством Гоминьдана.

В тексте проекта присутствовали некоторые пункты, необходимость редактирования которых признавалась Гоминьданом. Так, неясно было разграничение полномочий Исполнительного совета и министерств, а также Законодательного юаня и президента, отсутствовал механизм формирования Экзаменационного юаня, были и иные неточности; многочисленные предложения выдвигались также общественными деятелями и представителями партий и движений. Поэтому сам по себе проект 5 мая ещё не мог называться законченной основой для конституционного строительства; как на съезде ГМД, так и в дальнейшем велось редактирование первоначального текста. Параллельно с этим, согласно указу Чан Кайши, началась работа по снижению роли Гоминьдана в управлении страной: партия отказалась от политических органов в армии, пошла на проведение выборов в тех районах, где позволяла обстановка. Решения VI съезда, тем самым, обрели прикладной характер, оговаривая дату созыва Национального собрания, механизмы местного самоуправления и исходный проект Конституции. Вместе с тем, на съезде был подтверждён статус Чан Кайши как *цзунцяя* партии, а также приняты решения антикоммунистического толка, закреплённые в таких

документах, как «Рабочий курс членов ГМД по вопросу о Компартии», «Резолюция о Компартии» и др. Нельзя сказать, что решения съезда в этой области были исключительно агрессивны, но трудно не заметить, что возможность мирных отношений с КПК отодвигалась на задний план.

На этом фоне осенью 1945 г. прошли Чунцинские переговоры представителей ГМД и делегации КПК во главе с Мао Цзэдуном, причем Мао и Чан Кайши встречались лично. Итогом переговоров стало соглашение «двух десятков» (10 октября 1945 г.) о «всемерных усилиях по предотвращению гражданской войны» и строительстве свободного, независимого, богатого нового Китая [10, т. 10, с. 531]. В этих же целях в январе 1946 г. была созвана и Политическая консультативная конференция (ПКК), ставшая следующим знаковым событием в конституционном процессе. Важнейшим её решением стало назначение Национального собрания на 5 мая 1946 г. (к 12 ноября 1945 г. ещё не было выработано единого решения по составу собрания и иным техническим вопросам, а отношения КПК и ГМД в тот момент вновь обострились). Кроме того, ПКК выработала новую редакцию проекта 5 мая, в которой заметным изменениям подвергались положения о конституционном правлении Гоминьдана, особенно в вопросах, относящихся к Национальному собранию, Исполнительному и Законодательному юаням – за образцы для этих органов были приняты европейские правительства и парламенты (полный текст резолюций ПКК см.: [12, 1946 г., 1 февраля]).

Мотивы, руководившие Гоминьданом и Компартией в принятии решений ПКК, сводились к попытке связать руки противника и удержать его от активных военных действий, а также к желанию сформировать благоприятное мнение американского представителя Дж. Маршалла. Маршалл во время работы ПКК встречался с Чан Кайши и передал ему позицию Штатов: необходимость осуществления принципов западной модели демократии, ограничение однопартийной власти ГМД, реалистическое отношение к КПК, предоставление Компартии больших полномочий на местах [7, с. 24–25]. КПК и Гоминьдан в равной степени были заинтересованы в привлечении американских представителей на свою сторону. Демократичность и либерализм, готовность идти на компромисс, широта взглядов и приверженность западным идеалам в долгосрочном плане могли оказаться для Гоминьдана важнее временной победы на одном из политических собраний.

Отношение Гоминьдана к Политической консультативной конференции как к одному из собраний, а не центральному событию

конституционного процесса подтверждается статьёй «Закрытие Политической консультативной конференции», опубликованной в Центральной газете. В этой статье говорилось, что принципы изменения проекта конституции послужат «справочной информацией» для Национального собрания, которое должно «размышлять и дискутировать исходя из долгосрочных перспектив» [12, 1946 г., 1 февраля]. Иначе говоря, решения ПКК с точки зрения конституционных реформ оставались лишь формализованным мнением части общества, а органом, полномочным принимать Основной закон страны, оставалось Национальное собрание.

Подлинным камнем преткновения при реализации решений ПКК стал вопрос о последовательности «национализации армий» и «демократизации политики». Эти два лозунга, провозглашённые в резолюции ПКК о принципах мирного устройства страны, подразумевали, что Компартия откажется от независимой армии, а Гоминьдан – от монополии на власть. Очередность в осуществлении именно этих двух принципов впоследствии послужила причиной бойкота Компартией и её сторонниками Национального собрания и конституционных мер правительства; для правящей партии важно было обеспечить отказ КПК от армии, тогда как Компартия не шла на столь радикальный шаг до тех пор, пока Национальное правительство не станет коалиционным. Уже в марте 1946 г., на 2 пленуме ЦИК ГМД 6 созыва, в среде Гоминьдана возобладало мнение, что с окончания антияпонского Сопротивления страна искала единства и мира, и Гоминьдан хотел того же, но Компартия стояла непреодолимым препятствием на пути к единой цели. С точки зрения партии, находившейся у власти, требования КПК во многом выглядели как антигосударственные лозунги, и необходимо было искать путь сохранения собственного правительства, защиты его и страны от Компартии. В таких условиях и решения ПКК были расценены как совещательные и не вполне реалистические [4, т. 2, с. 1027 и далее]. Частичный отказ от однопартийного правления произошёл – Гоминьдан распустил Высший совет по обороне и отменил ряд законов военного времени. Но с точки зрения КПК это, разумеется, не было равносильно «демократизации политики».

Спор вокруг статуса армий и сущности коалиционного правительства затянулся, в связи с чем 5 мая 1946 г. Национальное собрание создано не было. Практически это выразилось в отказе Компартии и Демократической лиги Китая выдвигать партийные списки депутатов для участия в Национальном собрании – из 2050 депутатов Национального собрания по партийным спискам 220 человек

выдвигались от ГМД, 190 от КПК, 100 от Партии молодёжи, 80 от Демократической лиги и 40 от Демократической социалистической партии (ДСП) [10, т. 2, с. 193]. Количественно отсутствие 270 депутатов не могло бы сказаться на работе Национального собрания, но это были депутаты Компартии и её сторонников, а Гоминьдан стремился к многопартийности собрания, и потому пошёл на очередную отсрочку в созыве органа. Национальное собрание было перенесено на 12 ноября 1946 г.

Едва ли можно считать, что эту отсрочку вызвала искренняя надежда Чан Кайши и его правительства на перемену во взглядах КПК; скорее, перенос собрания был призван убедить население страны в серьёзности демократических устремлений Гоминьдана и его попыток найти компромисс с оппозицией. Реально же обе партии не питали иллюзий на счёт противника: конец весны и лето 1946 г. прошли в нарастании военных действий, прежде всего, на Северо-Востоке страны, в Маньчжурии, откуда постепенно отводились советские войска под командованием маршала Р.Я. Малиновского. Военные действия, шедшие несмотря на посредничество Дж. Лейтона Стюарта и Дж. Маршалла, служили чрезвычайно неблагоприятным фоном для обсуждения Конституции, однако неоднократные отсрочки созыва лишь усугубляли положение гоминьдановского Национального правительства как в глазах населения, так и за рубежом. Нужно было показать Маршаллу и только что избранному Конгрессу США, что Гоминьдан и Национальное правительство представляют собой демократический режим, что они не боятся конкуренции с КПК и готовы к конституционной реформе. Стремясь подтвердить готовность правительства к переговорам и мирному урегулированию гражданской войны, Чан Кайши неоднократно выдвигал Компартии предложения объявить перемирие и принять участие в Национальном собрании в течение октября и ноября 1946 г. [1, p. 360 and on], но все эти предложения так же неоднократно отвергались. Чану же было необходимо застраховаться от однопартийного Национального собрания, чтобы принятые собранием решения не выглядели авторитарными. Понимая обстановку как критический момент для своей власти и для судьбы той революции, во главе которой он себя видел, Чан Кайши настаивал на созыве Национального собрания вне зависимости от гражданской войны, более того, как на средстве против войны [8, т. 21, с. 448].

Однако воли Чан Кайши оказалось недостаточно: 12 ноября 1946 г. открытие Национального собрания вновь не состоялось. На этот раз отсрочка была вызвана отсутствием депутатов от Партии молодёжи и

ДСП – Компартия гораздо раньше недвусмысленно дала понять, что ни она, ни Демократическая лига участвовать в Национальном собрании не будут [6, 1946 г., 12 ноября]. Ввиду упомянутых ранее соображений о многократных отсрочках открытие Национального собрания было перенесено Национальным правительством лишь на 3 дня и состоялось 15 ноября 1946 г. В тот же день подала список депутатов Партия молодёжи, а спустя ещё неделю, 23 ноября, в собрании приняли участие члены ДСП. В общей сложности в заседаниях участвовали 1745 человек [это число приводится в 10, т. 2, с. 194; в биографии Чан Кайши под авторством Чжан Сяньвэня и др. фиксируется 1381 человек: 9, т. 2, с. 621; у историка Чэнь Жусюаня 1355 явившихся, более 1700 зарегистрировавшихся: 14, с. 280–281; в газете *Чжунъян жибао* от 22 ноября 1946 г. приводится статья под заголовком «Зарегистрировались 1550 депутатов»: 12, 1946 г., 22 ноября]. Итак, несмотря на бойкот Компартии и Демократической лиги, вопреки колебаниям внутри Гоминьдана, после семикратных отсрочек (считая с 1935 г.) Национальное собрание по разработке Конституции было создано в конце 1946 г.

Работа Национального собрания продолжалась 41 день, с 15 ноября до 25 декабря 1946 г. Всего состоялось 20 заседаний, в повестке которых (за исключением первых четырёх заседаний, носивших организационный характер) единственным вопросом стояло обсуждение Конституции страны. На рассмотрение собранию 28 ноября 1946 г. был передан проект Конституции, который после работы ПКК прошёл через рекомендательные поправки Совета по его рассмотрению и через утверждение государственных органов. В дополнение к поправкам ПКК, учтены были и предложения Чжан Цзюньмая, главы ДСП, что, по всей видимости, было условием участия ДСП в заседаниях Национального собрания [2, с. 64].

Национальное собрание стало ключевым органом в разработке Конституции послевоенной Китайской Республики, и потому представляется необходимым подробнее рассмотреть ход собрания и суть решений, сформировавших Основной закон. В рамках обсуждения предложенного Национальному собранию проекта были подняты такие проблемы, как местонахождение столицы, представительность женщин и профессиональных организаций, функционирование и полномочия Национального собрания представителей, полномочия текущего съезда Национального собрания, соотношение законодательной и исполнительной ветвей власти, система местного управления и др. [14, с. 64–65].

Вопрос о столице вызвал бурное обсуждение в связи с различиями в интересах и происхождении депутатов. С одной стороны, Пекин,

служивший императорской столицей, был ближе и роднее депутатам от северных и северо-восточных территорий, символизировал собой власть и государственность, тогда как Нанкин (который по проекту должен был выполнять функцию столицы) воспринимался лишь как временное пристанище республики, одна из столиц древности – уважаемая, но не современная. Несомненно, депутаты были пристрастны и с политической точки зрения: Нанкин был столицей гоминьдановского периода, тогда как Пекин выглядел более нейтральным (хотя и с выраженным прокоммунистическим оттенком). С другой стороны, за время Нанкинского десятилетия все крупные банки, в том числе Центральный банк *Чжунъян иньхан* и Банк коммуникаций *Цзяотун иньхан*, а также большие предприятия и компании переехали в Шанхай, расположенный ближе и к международным рынкам, и к Нанкину. Потому финансовые и экономические соображения диктовали сохранение столицы в Нанкине. В пользу этого же мнения говорили и уже созданная инфраструктура в Нанкине, и расположение там почти всех государственных зданий, университетов, научных центров и архивов. К тому же военные действия на северо-востоке свидетельствовали о небезопасности расположения столицы в Пекине. Однако за Пекин выступали многие депутаты, что вызывало неудовольствие сторонников Нанкина и иных городов, и потому на итоговых пленарных заседаниях Национального собрания в качестве компромиссного было принято решение вовсе удалить пункт о столице из текста Конституции.

Инициатива о представительности женщин в правительственных и иных государственных структурах обсуждалась с подачи женщин-депутатов, но не получила достаточной поддержки и – вновь как компромисс – было постановлено, что «количество избираемых женщин определяется на основании закона» [Конституция, статьи № 26, № 64, № 134, цит. по: 12, 1946 г., 26 декабря].

Среди многих депутатов циркулировали опасения, что Национальное собрание после введения Конституции превратится в номенклатурный орган, и потому предлагалось включить пункт о том, что депутаты не могут занимать государственных постов. Это предложение в конечном итоге обрело менее категоричную формулировку в статье 28: «Состоящие на службе должностные лица не могут быть избраны депутатами Национального собрания от тех же избирательных округов, на территории которых находится их служебная резиденция» [Конституция, статья № 28, цит. по: 12, 1946 г., 26 декабря]. Это был ещё один компромисс, причём одобренный Чан Кайши [8, т. 21, с. 492].

Обсуждения проходили непросто, многие вопросы вызывали горячие дискуссии. Для того, чтобы обеспечить продвижение работы, Чан Кайши требовал от представителей ГМД уступчивости и гибкости. Так, во внутрипартийной речи 18 ноября он сказал в числе прочего: «Нам необходимо показать всему миру нашу терпимость, чтобы было известно о том, как во имя идеи, во имя революции, во имя страны мы готовы потерпеть унижения... Пусть все партии, которые примут участие в собрании, будут нам как товарищи» [8, т. 21, с. 451]. Сравнивая Гомиьндан с хозяевами, к которым пришли гости, Чан объяснял, что если гости уйдут недовольными, «если мы вступим с ними в борьбу, поссоримся с ними, то пусть даже победим сейчас, но в будущем это обернется нам поражением» [8, т. 21, с. 451]. Чан Кайши необходимо было добиться принятия Конституции, поскольку окончание работы Национального собрания без принятия Конституции в перспективе стало бы чрезвычайно серьезным упреком в адрес и Гомиьндана, и самого Чана; такой оборот событий был бы расценен внутри Китая и за рубежом как свидетельство недемократичности, жесткости и убежденной однопартийности Национального правительства. Из тех же соображений в речи 25 ноября, также перед депутатами от Гомиьндана, Чан согласился с принципами, принятыми на Политической консультативной конференции, для того, чтобы «разбить пропаганду Компартии об авторитарности нашей партии» [8, т. 21, с. 458–459]. Нельзя не признать, что, пусть и в корыстных целях сохранения собственного режима, но всё же во имя стабильности страны, Чан Кайши стремился обеспечить успех Национального собрания, завершить переходный период и законодательно оформить начало конституционных реформ и принятие Конституции.

На двадцатом заседании 25 декабря 1946 г., в третьем чтении был принят текст Конституции, за который единогласно проголосовали 1458 присутствовавших депутатов [14, с. 283]. Было постановлено, что 1 января 1947 г. Конституция должна быть обнародована. В течение 3 месяцев после этого правительство должно разработать и опубликовать законодательные механизмы перехода к конституционному правлению (прежде всего в вопросе выборов президента, депутатов Национального собрания, организации пяти юаней и т.д.), а 25 декабря 1947 г. Конституция вступит в силу [10, т. 2, с. 195].

Текст Конституции в завершённом своем варианте состоял из преамбулы и 175 статей, сгруппированных в 14 глав [12, 1946 г., 26 декабря]. Выделялись такие органы власти, как Национальное собрание, президент, вице-президент, Исполнительный, Законодательный,

Судебный, Экзаменационный и Контрольный юани. Их полномочия и механизм формирования определялись, в основном, суньятсеновской Программой государственного строительства. К числу наиболее важных особенностей принятой Конституции следует отнести прямые всенародные выборы депутатов Национального собрания и Законодательного юаня; причём если непосредственное участие населения страны в формировании Национального собрания как главного органа по реализации четырёх гражданских прав брало истоки в теории Сунь Ятсена и проекте 5 мая, то прямое голосование по составу Законодательного юаня было привнесено уже поправками ПКК. В Конституции уточнялось, что глава Законодательного юаня и его заместитель избираются самими депутатами из собственной среды; тем самым Законодательный юань становился наиболее независимым элементом в системе юаней. Ещё одним дополнением, воспринятым от поправок ПКК, было формирование Контрольного юаня по итогам голосования в провинциальных и городских собраниях. Главы Исполнительного, Судебного и Экзаменационного юаней назначались Президентом, причём кандидатура главы Исполнительного юаня должна была пройти одобрение Законодательного юаня, а главы Судебного и Экзаменационного юаней утверждались Контрольным юанем. Иначе говоря, выдвигаемые президентом кандидатуры глав невыборных органов должны были получить согласие избранных юаней – в такой форме, наряду с прямым всенародным голосованием, был документально зафиксирован принцип народовластия из числа трёх народных принципов.

За Законодательным юанем сохранилось его главенствующее положение в вопросах законопроектов, бюджета, введения военного положения, проведения всеобщей амнистии, объявления войны и заключения мира, заключения договоров, а также других важных государственных вопросов. Существенным отличием от прежних проектов было то, что потребовать роспуска Законодательного юаня не мог ни Исполнительный юань, ни Президент, ни какие-либо иные органы; возможность импичмента со стороны Контрольного юаня также не уточнялась. В случае если Исполнительный юань был не согласен с резолюциями Законодательного юаня, то он с одобрения президента мог лишь просить об их пересмотре, причём две трети голосов законодателей при повторном голосовании обязывали главу Исполнительного юаня либо приступить к исполнению резолюций, либо подать в отставку. Сходный механизм касался и тех резолюций Исполнительного юаня, которые вызывали неудовлетворение Законодательного юаня: две трети голосов законодателей ставили главу Исполнительного юаня перед аналогичным

выбором. Что же касается аудиторских функций Контрольного юаня в отношении Законодательного, они оставались в тексте неясными. Право Контрольного юаня возбуждать дело об импичменте в отношении членов и глав Судебного, Экзаменационного и Исполнительного юаней, а также президента и вице-президента чётко оговаривались в статьях 95–100. Импичмент же напрямую Законодательному юаню не был предусмотрен ни в одной из статей. Иначе говоря, Законодательный юань оказывался почти вне системы сдержек и противовесов, и ограничивали его только 3 года депутатских полномочий (при возможности повторного избрания) и право избирателей отзываться избранных депутатов согласно главе 12 Конституции. Это значительное изменение ставило Законодательный юань в очень надёжное положение, дополненное также нормой о депутатской неприкосновенности (такая норма распространялась, впрочем, в равной мере на членов всех остальных юаней и на депутатов Национального собрания в период сессий). Наиболее вероятной причиной такому особому месту Законодательного юаня было желание разработчиков Конституции обезопасить себя и своих будущих преемников от поползновений исполнительной власти, которых в 1946–47 гг., безусловно, опасались многие. Законодательный юань, который невозможно было распустить, решение которого невозможно было аннулировать и который сам мог принять почти любые решения в конституционных рамках, был крайне нужен для сдерживания президента и подконтрольных ему сил. Теми же соображениями были обусловлены и неоднократно повторяемые формулировки «в соответствии с законом» и «согласно законодательству» применительно к решениям президента и юаней. Расчёт депутатов Национального собрания по разработке Конституции был направлен на то, что парламент – Законодательный юань – всё же станет коллегиальным многопартийным органом.

Сохранение общих принципов «пяти властей» Сунь Ятсена в Конституции 1947 г. не помешало дополнить закон нормами, на которых настаивала оппозиция. Безусловно, правительство не приняло требований, лишивших его шансов на сохранение власти. Но сделанные уступки нельзя игнорировать. Демократическая лига, отказавшаяся участвовать в работе Национального собрания, требовала принципа ответственности Исполнительного юаня перед Законодательным [6, 1946 г., 24 апреля] – и принцип этот был зафиксирован в Конституции; прямые выборы Национального собрания и Законодательного юаня также нашли отражение в итоговом тексте. Полномочия президента никак нельзя было назвать чрезмерными, да и глава Исполнительного юаня не претендовал на ключевую роль в

управлении страной. Потому можно уверенно назвать принятую Конституцию компромиссной со стороны Гоминьдана. Причины того, что партия и сам Чан допустили принятие этой редакции текста, уже упоминались: подошло время срочных мер по коррекции политической обстановки в стране, где Компартия набрала серьёзное идеологическое преимущество по сравнению с правящей партией. В глазах Чан Кайши именно Конституция, сколь бы она ни расходилась с первоначальными проектами, могла стать основой политической борьбы против КПК. Те же недочёты, которые прошли в итоговый текст, предстояло исправлять позже [14, с. 282].

Правительство и Гоминьдан признали Конституцию, разработанную Национальным собранием, 25 декабря 1946 г. [8, т. 21, с. 493]. Мао Цзэдун опередил их на один день, 24 декабря объявив о непризнании Основного закона – Компартия не желала признавать «любые законы, разработанные однопартийным собранием» [Обращение-телеграмма председателя Мао: см. 6, 1946 г., 24 декабря]. Стало очевидно, что обнародование Конституции не только окончило борьбы Компартии против Гоминьдана, но и обострило это соперничество. Итогом многолетних дискуссий о демократизации политической жизни стало принятие Конституции вопреки Гражданской войне, но компромиссный характер решений уже не мог остановить вооружённой борьбы. Более того, ПКК и Национальное собрание в своих постановлениях нередко избегали конкретных формулировок, ограничиваясь общими фразами о демократии и объединении страны, что лишало принятые документы практического значения.

Конституция 1947 г. не смогла объединить страну, в чём отчасти и заключались причины её провала на материке. Винить в этом какие-либо из принципов, заложенных в основу Закона, едва ли правильно. Уникальные механизмы управления государством, сформулированные в нём, имели шанс осуществиться в мирных условиях и при последовательной политике. Именно противостояние Гоминьдана и Компартии свело конституционную реформу к неудачной попытке удержать власть, что на долгое время лишило Закон права на применение. Лишь в начале 1990-х гг., по мере раскрепощения политической жизни Китайской Республики на Тайване, Конституция 1947 г. получила практическую значимость и стала, наконец, действующим Основным законом непризнанной республики. Тем самым воплотились заветы Сунь Ятсена и оформился своеобразный «китайский путь» в системе государственного строительства – хотя и не в масштабах всего Китая.

Литература

1. *Taylor J.* The Generalissimo. Chiang Kai-shek and the Struggle for Modern China. London, 2009.
2. Вэньши цзыляо сюаньцзи [Избранные материалы по литературе и истории]. Пекин, 2001. Т. 145.
3. *Гао Ян.* Чжисянь года шупин [Комментарий к работе Национального собрания по разработке Конституции] / Дисс. ... маг. ист. н. Ланьчжоу, 2007.
4. *Жун Мэньюань.* Чжунго Гоминьдан лицы дайбяо дахуэй цзи чжунъян цюаньхуэй цзыляо [Материалы съездов и пленумов Гоминьдана Китая]. Пекин, 1985. 2 т.
5. Сянь Цзунтун Цзянгун сысян яньлунь цзунцзи [Собрание мыслей и выступлений покойного президента генералиссимуса Чан Кайши] / Под ред. *Цинь Сяои.* Тайбэй, 1984. 40 т.
6. Цзефан жибао.
7. Цзунтун Цзянгун даши чанбянь чугао [Неотредактированные очерки значительных дел президента генералиссимуса Чан Кайши] / Под ред. *Цинь Сяои.* Тайбэй, 1978. Т. 6 (1).
8. Цзунтун Цзянгун сысян яньлунь цзунцзи [Собрание мыслей и выступлений президента генералиссимуса Чан Кайши] / Под ред. *Цинь Сяои.* Тайбэй, 1984. 40 т.
9. *Чжан Сяньвэнь.* Цзян Цзеши цюаньчжуань [Полная биография Чан Кайши]. Пекин, 2010. 2 т.
10. Чжунхуа Миньго ши [История Китайской Республики] / Под ред. *Чжу Ханьго, Ян Цюнь.* Чэнду, 2006. 10 т.
11. Чжунхуа миньго ши данъань цзыляо хуэйбянь [Сборник материалов Исторического архива Китайской Республики]. Нанкин, 1998. Часть 5. Раздел 2. Политика (1).
12. Чжунъян жибао.
13. *Чжэн Шуай.* Цзян Цзеши юй миньмо сяньчжэн [Чан Кайши и конституционализм в позднереспубликанском Китае] / Дисс. ... доктора ист. н. Цзилинь, 2005.
14. *Чэнь Жусюань.* Цзэндин Чжунго Сяньфа ши [Дополнение к истории китайской Конституции]. Б.м., 1947.